

К 90.

Издание Савенкова

Сергей Хотилов

ГАУШТМАНЪ НА КРАЮ СВѢТА.

(« П С Л У Р В А Л Ь Н О С Т Ъ »).

(Навѣяно профанацией идей Гауш-
мана, имѣвшей мѣсто въ Якутскѣ
9 ноября 1908 г.)

Цѣна 20 к.

1909-й годъ.

Якутская Областная Типография.

85-876

К К 90

Гауптманъ

на краю свѣта.*)

К 9.792
№ 3
Имя ~~Гауптманъ~~
~~1897~~

159

.....

Это не выдумка, а истинное происшествіе.

Въ мрачную, темную ночь, при свѣтѣ семи салъ-
ныхъ плашекъ, въ высокой бревенчатой комнатѣ клу-
ба „Общества Промышленниковъ“ заседалъ совѣтъ
старшинъ этого клуба и въ гробовомъ молчаніи слу-
шалъ рѣчь очень молоденькаго оратора.

Въ виду самыхъ разнорѣчивыхъ слуховъ, ходящихъ о
личности Гергарда Гауптмана среди мѣстнаго общества, послѣ
постановки въ Якутскѣ одной изъ его драмъ „Одинокіе“, при-
чемъ его считаютъ то акспропріаторомъ, то мыловаромъ, то по-
ставщикомъ иносѣ веселаго пошиба для театра „Фарезъ“, въ Пе-
тербургѣ, считаю необходимымъ дать въ этой выпискѣ краткія
свѣдѣнія объ авторѣ „Одинокихъ“, заимствованныя изъ словаря
Павленкова:

„Гергардъ Гауптманъ—нѣмецкій драматургъ (род. въ 1862
году). Всемирную извѣстность дала Гауптману его драма „Тка-
чи“, матеріаломъ для которой послужили рассказы его дѣда о
бунтѣ силезскихъ ткачей въ 1844 г. Еще большую популяр-
ность имѣли его полуфантастическія драмы „Ганцель“ и „Зато-
нувшій колоколь“. За ними послѣдовала историч. драма изъ
эпохи крестьянскихъ войнъ въ Германіи „Флоріанъ Гейеръ“
(1898 г.) и др. При разносторонности дарованія, силѣ творчества
и богатствѣ фантазіи Гауптмана, главная его заслуга въ томъ,
что они ищеть и прокладываетъ новые пути въ сферѣ иску-
ства“.

Государственная
Краевед. фонд
Якутская
Центральная Библиотека

„Очень молодецкій“—этимъ еще не опредѣляется вся наружность оратора. Необходимо добавить слѣдующее: на носу красовалось пѣсенъ, а на верхней губѣ—еле замѣтный пухокъ юности. Если къ этому прибавить еще аляповато—топорное строеніе фигуры, красныя щеки, то читатель будетъ имѣть представленіе о наружности оратора, рѣчь котораго слушалась со столь необыкновеннымъ вниманіемъ.

—...Мы живемъ на краю свѣта,—двѣтисето говорилъ онъ,—вдали отъ всего живого, красиваго свѣтлаго... Вдали отъ разумныхъ эстетическихъ развлеченій.... Поэтому (у мальчика—оратора буква ѣ въ этомъ словѣ прозвучала удивительно красиво и свѣтло)—святая обязанность повелѣваетъ намъ, людямъ интеллигентнымъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, стараться дать жителямъ нашего города хоть ничтожную крупицу того изящнаго и красиваго, которымъ въ настоящее время насыщена вся жизнь нашихъ западно европейскихъ согражданъ ?!.... Принимая это во вниманіе (на этотъ разъ буква ѣ звучала чарующее), я прошу васъ, г.г. старшины, изъявить свое согласіе на постановку въ нашемъ городѣ на сценѣ всѣми уважаемаго клуба драмы Гауптмана „Одиноки“. .. Съ своей стороны, я беру на себя смѣлость принять самое дѣятельное участіе въ организациі этого спектакля! ...

Юноша кончилъ. Яркій, какъ зарево пожара, румянецъ покрылъ его и безъ того румяное лицо.

Лишь только въ мрачной безднѣ въ высь уходящаго потолка потонули послѣднія слова оратора, какъ со стула поднялся старѣшій изъ старшинъ клуба. На

его старческих глазах блистали слезы восторга и умиленія. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ началъ благодарить краснорѣчиваго мальчика-оратора. Но послѣ двухъ-трехъ фразъ благодарности голосъ старца оборвался и онъ зарыдалъ, упавъ на грудь тронутаго юноши въ пѣнснэ, который въ знакъ признательности принялся гладить рукою по плѣши почтеннаго старца.

Сцена вышла потрясающей. Черезъ минуту весь совѣтъ старшинъ громко рыдалъ, уткнувшись залитыми слезами лицами въ свои огромные носовые платки.

На другой же день по свѣрнымъ улицамъ краесвѣтнаго городка мелкой рысцой бѣгала невзрачная фигурка, съ пачкой цвѣтной бумаги подъ мышкой и съ ведеркомъ въ лѣвой рукѣ. Фигурка останавливалась на каждомъ углу, у каждаго забора, которыми такъ богатъ краесвѣтный городокъ. Обмакнувъ грязную пятерню въ содержимое ведерка, фигурка мазала ею извѣстное пространство заборовъ и угловъ и, отдѣлившись отъ пачки листикъ, приклеивала его къ тому мѣсту гдѣ мазала ее десница. Къ полудню весь городокъ пестрѣлъ цвѣтными бумажками.

Краесвѣтные обыватели подходили къ угламъ и заборамъ, глубокомысленно морщили лбы и медленно, по складамъ читали:

— Оди-но-кіе. Дра-ма. (Про себя) скобка... По-свя-ща ет ся тѣмъ, кто ее пе-ре жилъ...

— Ишь ты!.. — говорили они, въ раздумьи покачивая головами: — Должно быть штука забористая, из-

ви ее въ душу! ..

Тѣмъ временемъ мальчикъ, инициаторъ угощенія краесвѣтныхъ обывателей крушнкою изящнаго и красиваго, не зналъ себѣ покоя.

Съ самаго раннего утра до поздней ночи онъ бѣгалъ изъ конца въ конецъ городка и приглашалъ интеллигентокъ и интеллигентовъ принять участіе въ драмѣ Гаунтмана.

Въ уговорахъ онъ былъ очень краснорѣчивъ и убѣдителенъ. Интеллигентки, слушая его, быстро соглашались и, растроганныя возвышенными доводами, вынимали изъ кармановъ платки и усленно смачивали ихъ слезами.

Интеллигентки же, какъ только произносилось слово *ятому*, а съ нимъ вмѣстѣ и чарующая буква *ъ*, закатывали въ носхищеніи свои прекрасныя глазки и дарили юнаго инициатора обворожительными улыбками.

Быстро собралось нужное число для вселенія крушнкою изящнаго и красиваго въ темныя, загрузѣвшая душа краесвѣтныхъ обывателей.

Послѣ 44 репетицій интеллигенты и интеллигентки почувствовали себя окончательно подготовленными къ публичному выступленію.

Объ этомъ событіи городокъ былъ извѣщенъ огромными афишами пурпуро-багроваго цвѣта, которыя наглядно показывали, — какъ своимъ цвѣтомъ, такъ и размѣромъ. — какъ велико было количество кроваваго пота, пролитаго за сямъ непривычнымъ занятіемъ.

Но вотъ наконецъ наступаетъ и тотъ знаменательный день когда Западная Европа лишилась одной изъ своихъ крупинокъ въ пользу городка, что стоитъ на краю свѣта!

Въ вечеръ спектакля зрительный залъ клуба „Общества Промышленниковъ“ представлялъ собою восхитительныя зрѣлище. Потолокъ и стѣны его были сплошь занѣшаны шкурами бѣлыхъ и бурныхъ медвѣдей, бѣлоснѣжныхъ горностаевъ, бѣлизну которыхъ крѣпко отъняли ихъ черные хвосты. Наружная сторона сфлерской будки была эффектно задрапирована золотистыми занѣсами. Полъ былъ устланъ пушистыми оленьими шкурами, и въ нихъ мягко утопали ноги. Съ центра потолка спускалась колоссальная ваза изъ живыхъ цвѣтовъ, что были собраны въ 10 садахъ, недавно разбитыхъ въ различныхъ мѣстахъ города въботливими „отцами города“. Всѣ многочисленныя комнаты клуба въ этотъ вечеръ были напоены ароматомъ розъ, фиалокъ ландышей и сирени.

Къ 8 часамъ вечера въ залъ были зажжены оригинальныя свѣтильники, устроенные изъ цѣлыхъ клыковъ мамонта и прикрѣпленные къ стѣнамъ въ промежуткахъ между окнами. Во внутренность клыковъ, просверленныхъ параллельно своей оси, было налито какое то благовонное масло и опущены длинныя, тонкія фитили. Благодаря этимъ зажженнымъ свѣтильникамъ внутренность зала приняла сказочно — фантастическій видъ.

Большими группами входила публика въ клубъ и

скоро его стѣны ломились отъ ея необыкновеннаго наплыва. Въ эту памятную ночь почти весь городъ былъ въ клубѣ „Промышленниковъ“ и дома оставались лишь старые и малые.

Весело и оживленно гудѣлъ весь этотъ огромный человѣческій рой. Велись всевозможные, интересные разговоры и ихъ тысячеголосый гулъ сливался въ одну грандіозную симфонію, въ которую порою красивыми трелями врывался серебристый женскій смѣхъ.

Мужчины съ достоинствомъ расхаживали взадъ и впередъ по длинному, по сторонамъ обставленному тропическими растеніями, корридору, расположенному параллельно зрительному залу. Почти у каждаго изъ нихъ въ зубахъ торчала трубка изъ мамонтовой кости, художественно изукрашенная золотомъ; въ нихъ курился ароматный „черкасскій“ табакъ.

Женщины-же, граціозныя какъ фен, въ живописныхъ костюмахъ прогуливались тутъ же, держа другъ друга за руки. Ихъ маніаторныя челюсти ритмично и плавно двигались справа на лѣво и лѣва на право. Эти прелестныя созданія въ здѣшнихъ мѣстахъ никогда не расстаются со своимъ любимымъ лакомствомъ—сѣрой; онѣ жуютъ ее ежечасно, не прерывая этого милаго занятія даже по ночамъ, во время сна. Обольстительно чавкая, онѣ въ это время напоминаютъ своимъ видомъ тѣхъ очаровательныхъ животныхъ, которыхъ грубые люди съ незапамятныхъ временъ уговорили съ называть коровами. Въ маленькихъ ручкахъ у каждаго изъ этихъ воздушныхъ созданій были изящныя ридикюльчкы, гдѣ помимо тонкихъ ба-

тистовыхъ платочковъ для извѣстнаго всѣмъ употребленія, находилось достаточное количество этого дивнаго лакомства про запасъ.

Несмотря на высокую температуру, царящую въ зданіи клуба, среди публики находились и оригиналы, расхаживавшіе закутанными съ головы до ногъ въ мѣховыя одежды. На многодумныхъ головахъ этихъ чудаковъ красовались высокія мѣховыя шапки, съ мѣховыми же наушниками.

Вдругъ, раздался мелодичный звукъ серебрянаго колокола, висѣвшаго при входѣ въ зрительный залъ и о которомъ я забылъ упомянуть, описывая выше его внутренность. Это означало, что публика должна приступить къ разсадкѣ по мѣстамъ.

Это трудное и сложное дѣло прошло почти безъ инцидентовъ, если не считать нѣсколькихъ небольшихъ, скоро исчерпанныхъ недоразумѣній. — Фактъ, говорящій о высокомъ культурномъ уровнѣ собравшихся здѣсь. Подтвержденіе послѣдняго предположенія можно видѣть хотя бы изъ того, какъ быстро и корректно улаживается слѣдующее ничтожное недоразумѣніе при процессѣ разсадки:

Почтенная дама въ черномъ шелковомъ платьѣ, послѣ 4-хъ минутнаго „безнадежнаго“ вглядыванія въ свой входной билетъ, рѣшительно опустилась на первое, бросившееся ей въ глаза, мѣсто. Когда же къ ней подошелъ какой-то неучъ и сказалъ, что это мѣсто принадлежитъ ему, она обидѣлась и, обозвавъ его деловито „дуракомъ“, протянула свой билетикъ. Дуракъ! взглянулъ на него и непрочтительно расхохотал-

Палла
Ира

ей прямо въ лицо домы, уже возмущенной.

Оказалось, что на билетъ, вмѣсто словъ и цифръ, обозначавшихъ собою рядъ и № мѣста, красовалась лепешка сѣроватой массы размятой во рту сѣры, — крѣпко приклеившаяся. Эту лепешку почтенная дама при входѣ въ залъ вынула изо рта и сунула въ ридикульчикъ, гдѣ находился и злополучный билетъ.

Послѣдовавъ обмѣнъ галантныхъ извиненій и недоразумѣнїе было исчерпано. А въ одинъ изъ антрактовъ, вашъ покорный слуга имѣлъ возможность наблюдать, какъ „дуракъ“ и почтенная дама гуляли вмѣстѣ, дружелюбно разговаривая.

Раздался второй ударъ въ серебряный колоколъ и въ залъ наступила относительная тишина.

Художественно исполненный занавѣсъ, на которомъ изображенъ полярный пейзажъ—уголокъ берега Ледовитаго океана, съ группой страусовъ и дѣтъ ряды стройныхъ пальмъ и бѣлымъ медвѣдемъ на оторванной льдинѣ—нервно вздрогнулъ, чуть чуть приподнялся и вновь опустился, точно не рѣшаясь открыть та „дѣточка“, что онъ скрывалъ за собою съ такой ревнивой тщательностью.

Все насторожилось.. Въ воздухѣ повисло напряженное ожиданіе...

Третій ударъ и занавѣсъ величественно взвился.

Шепотъ восхищенія пронесся по залу. Изумленному взору красавцаго обывателя предстала волшебная картина. Сцена представляла собою небывалую фантастически—изумительную комнату, съ енлошными рядомъ портьеръ вмѣсто стѣнъ. Внутренность

небольшой комнаты была вся наполнена ящиками, диванами, столами, стульями и креслами... На задней стѣнѣ—портъерахъ висѣли для „видимости“ на гвоздяхъ—дверь и два полууглыхъ окна. Ящики были всевозможныхъ размѣровъ и формъ, и покрыты малиноваго цвѣта скатертями. На вѣсѣ, у самой рамы, стояло пианино, а за нимъ, въ углу возвышалась грязная лѣстница, которая служила въ клубѣ „Промышленниковъ“ „на предметъ зажеганія свѣтильниковъ, расположенныхъ или висящихъ слишкомъ высоко“... На ступеняхъ этой лѣстницы красовались букеты изъ розъ и незабудокъ, которые тотчасъ распространили свой тонкій аромат и въ безъ того цвѣтами пахнущей залѣ.

На одномъ изъ ящиковъ, справа на аван-сценѣ возлежала прекрасная молодая женщина, вся въ бѣломъ. А въ нѣкоторомъ отдаленіи, у стола стояла сѣдала старуха—вся въ черномъ. По своему гордому и величественному виду она была похожа на королеву въ отставѣ.

Скатерть, прикрывающая ложе прелестной женщины, очевидно благодаря небрежности, была разостлана криво, что позволило видѣть сосновыя доски ящика, на которыхъ черными крупными буквами было написано:

„Мыло. Торговый домъ Кушнарѣва“.

Не успѣли еще зрители закрыть своихъ ртовъ, открытых въ видѣ буквы а, каковымъ фактомъ всегда сопровождается высшая степень удивленія и восторга,—какъ въ необычную комнату влетѣла (да, именно влетѣла) еще одна женщина въ голубомъ сарафанѣ,

съ выраженіемъ грустной меланхоліи и безумной радости на лицѣ. Двумя пальцами правой руки она держала въ воздухѣ прелестнаго ребенка въ розовыхъ пеленкахъ.

Въ публикѣ послышались громкіе возгласы удивленія и опасенія:

— Вотъ прелесть—то!

— Ой, уронить она его!... Кто же такъ ребятишекъ таскаетъ!..

Нѣкоторые, наиболѣе изъ любопытныхъ зрителей, повставали со своихъ скамеекъ, что тотчасъ же возбудило неудовольствіе сидящихъ позади.

— Куда ты?! Сядь!—зашипѣли они.

— Тише! Тише!—зловѣщимъ шепотомъ пронеслось съ разныхъ концовъ зала.

Между тѣмъ, находящіяся въ небывалой комнатѣ три женщины, суди по судорожно двигающимся губамъ, очевидно намѣревались говорить, или уже говорили.—точно ни могу сказать,—ибо это такъ и осталось до сихъ поръ не выясненнымъ.

Какой то, должно быть совсѣмъ ужъ дикій и необразованный обыватель, для удобства забравшійся на одну изъ четырехъ печей, стоящихъ по угламъ зала, дерзко прокричалъ:

— Да громче!.. Ей Богу, ничего не слышно!..

И тонъ, и степень твердости голоса, побожившагося, что онъ ничего не слышитъ, съ несомнѣнной ясностью свидѣтельствовали, что сидѣвшій на печкѣ краесвѣтнѣйшій гражданинъ былъ сильно „хватимши“...

Принявъ во вниманіе дерзкій окрикъ, обитатель-

ницы фантастической комнаты еще усиленнѣе зашевелили губами. Но голосовъ ихъ попрежнему слышно не было, ибо грубіяны съ печки, спустя нѣкоторое время, еще дерзновеннѣе и громче довелъ до всеобщаго свѣдѣнія, что онъ хочетъ идти зачѣмъ-то къ буфету:

— Пойду къ буфету! Все равно ничего не слышать!..

Вслѣдъ за этимъ на публику, имѣвшую несчастье сидѣть возлѣ печки, посыпался песокъ, въ перемежку съ комьями глины. Спустя еще мгновение съ печки внизъ повисла пара человѣческихъ ногъ, обу-тыхъ въ оленьи «торбаса»..

— Куда тебя шайтанъ несетъ?!—послышался испуганный шепотъ того, на чью голову грозиди опуститься мѣховыи «торбаса»..

— Не безпокойтесь!—громогласно обнадежилъ его спускавшійся съ печки обладатель ногъ:—Я вѣдь не ослѣпъ еще!..

Мягко шлепнувшись объустланной шкурами полъ, рѣшившій идти къ буфету направился къ выходу, поминутно наступая на ноги то одному, то другому изъ сидѣвшихъ на скамьяхъ.

Нѣкоторая часть публики свирѣпо зашикала, большинство же разразилось самымъ добродушнѣйшимъ хохотомъ, не обращая вниманія на трехъ женщинъ, отчаянно шевелившихъ губами...

Съ этого момента настроеніе собравшихся по-смотреть «забористую штуку» рѣзко измѣнилось—стало удивительно легкомысленнымъ и веселымъ. Добро-

душный хохотъ то замиралъ, то разгорался снова съ необыкновенной силой.

Но вотъ женщина въ голубомъ сарафанѣ и съ выраженіемъ грустной меланхолии и безумной радости на лицѣ ушла, двигалась къ портьерамъ задомъ, и унесла съ собою прелестьнаго малютку, держа его все тѣми же двумя пальцами.

Неличественная старуха подошла къ прекрасной женщинѣ и обняла ее. Въ это время изъ за портьеры лѣвой стороны въ комнату юркнулъ молодой человекъ, одѣтый во фракъ, очень похожій на официанта изъ первоклассной гостиницы. Его лицо, читатель, вамъ уже знакомо. Оно было описано выше. Это тотъ самый мальчикъ, котораго лобызалъ старецъ—старшина за его краснорѣчіе. Въ его наружности не произошло никакихъ перемѣнъ, за исключеніемъ костюма. Его щеки попрежнему были румяны, попрежнему на верхней губѣ чуть—чуть отбывился пугокъ юности.

За то въ социальномъ положеніи этого юноши повидимому произошла довольно значительная перемѣна.

Женщины, которыхъ онъ засталъ за взаимными объятіями, встрѣтили его ласково и почтительно. Съ его приходомъ онѣ внезапно пріобрѣли даръ слова и заговорили. Старуха назвала его сыномъ, а молодая—мужемъ; причемъ во время ихъ разговора зрители узнали, что юноша во фракъ—ученый и докторъ.

Конечно, въ залѣ тотчасъ же нашлись скептики, не замедлившіе выразить вслухъ свои сомнѣнія. И

когда старуха—мать въ третій разъ подтвердила ученость и докторское званіе своего сына, то одинъ изъ нихъ укоризненно и громко произнесъ:

— Не ври! Мальченка вѣдь совсѣмъ! Развѣ не видно! Тоже, бухнула... докторъ!...

Но отдѣльные голоса скептиковъ не представляли собою мнѣнія всѣхъ присутствующихъ въ залѣ. Большинство сердецъ переполнилось тщеславіемъ и патріотической гордостью, когда они услыхали, что мальчикъ во фракѣ, котораго всѣ такъ хорошо знали, есть докторомъ и имѣетъ мать, похожую на королеву въ отставку:

— Ай да ловкачъ! Ты погляди ка, куда Гонимоновъ то махнул!

— Чего и говорить! Парнишка дошлый!... — неслось со всѣхъ сторонъ.

Особенно шумно выражалъ свои чувства солидной комплекціи мужчина, съ рыжей бородой лонатою. Онъ тутъ же громогласно сообщилъ своимъ собесѣдникамъ, что съ Гонимоновымъ онъ съ давнихъ поръ находится въ пріятельскихъ отношеніяхъ, а прошлымъ годомъ на масляной ѣздилъ съ нимъ во Владимірское „пошибаршить“...

А Гонимоновъ во фракѣ любезно и развязно бесѣдовалъ съ женой и матерью, столь внезапно пріобрѣтшими даръ слова.

Мало по малу дѣло наладилось и пошло великолѣпно. Настолько великолѣпно, что даже царившій до сихъ поръ смѣхъ какъ будто нѣсколько поутихъ. Докторъ все время ходилъ взадъ и впередъ по необычно-

венной комнатѣ и чувствовалъ себя повидимому, какъ дома, за тѣмъ развѣ исключеніемъ, что не зналъ куда дѣвать свои руки, такъ какъ во фракѣ, очевидно по разсѣянности портного, не было кармановъ.

Но увы! недолго продолжалась мирная семейная идиллія. Поговоривъ минутъ 10 мирно и любовно, докторъ, неизвестно съ чего, вдругъ заводновался и началъ метаться по комнатѣ. Старуха—мать, должно быть глядя на сына, тоже стала блажить. Молодая женщина—жена ученаго, заломивъ свои бѣлыя руки, разрыдалась.

Наконецъ ученый сынъ не выдержалъ. Онъ подошелъ къ рампѣ, сталъ лицомъ къ публикѣ, поправилъ на носу пенсне и воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— Вы, мамепька этого не можете понять, да и никогда не поймете! Поэтому съ вами и разговаривать не стоитъ!

Сказалъ и ушелъ...

Что было потомъ, когда и куда кто входилъ, кто и чего говорилъ, краесвѣтные граждане не помнили. Упершись кулаками въ бока, они оглашали стѣны зала громовымъ, закатыстымъ хохотомъ, отъ котораго дрожало все зданіе клуба и звенѣли стекла оконъ.

Когда же съ лѣвой стороны чья—то невидимая рука вытолкнула въ шею трясущагося всѣми членами пастора Растонырина—Завилюйскаго, то хохотъ дошелъ до чудовищныхъ размѣровъ. Отъ сотрясенія воздуха медвѣжьи и горностаевыя шкуры соскочили съ

закрѣпъ и понадали на публику.

На сцену выскачилъ юнаша-докторъ. Лицо его на этотъ разъ было мертвенно блѣдно отъ испуга.

— Ха! ха! ха! — стономъ стояло въ залѣ..

Подбѣжавъ къ несчастному пастору, Гонимовъ взялъ его подъ руку, желая видимо увести его отъ грѣха за кулисы. Но не тутъ то было. Ноги пастора отказывались двигаться и они оба безпомощно топтались на одномъ мѣстѣ. И напрасно... обладателемъ фрака соблазнилъ трисушагося Растопырина—Завилюйскаго то виномъ, то папиросами—онъ попрежнему трисся всѣмъ тѣломъ и не двигался съ мѣста.

Положеніе получалось трагическое.

Выручила иѣкая Медова, игравшая фрейлинъ Анну, студентку изъ Берлина.

Размахивая длинными руками какъ крыльями, векъ въ черномъ, дѣвица Медова бурей ~~первадась~~ въ комнату.

Пасторъ, увидавъ фрейлинъ Анну, неожиданно для всѣхъ моментально преобразился. Ноги его приобрѣли юношескую рѣзвость. Закрывъ лицо руками, онъ стремительно бросился къ выходу вправо и, повергнувъ на полъ державшаго его за руки доктора, метеоромъ исчезъ изъ глазъ гоготавшихъ зрителей:

— Го! го! го! — громыхало кругомъ...

Несмотря на случившійся съ нимъ казусъ, врачъ не растерялся. Поднявшись сначала на четвереньки, онъ быстро выпрямился и, опупывая огромную шишку на ученомъ лбу, галантно раскланялся съ фрейлинъ Анной. Пригласивъ ее сѣсть на одинъ изъ ящи

ковъ, онъ ловко и быстро завелъ съ ней интересный разговоръ.

Старуха — мать, поддерживая за талию все еще плачущую невестку. — вышли изъ комнаты.

Дальше — больше и все снова пошло какъ по писанному,

У доктора съ фрейлинъ Анной между прочимъ, разговоръ зашелъ и о музыкѣ.

— Вѣдь вы фрейлинъ, играете? такъ сыграйте что нибудь! Сдѣлайте что для меня! — стала упрашивать юный и ловкій докторъ, причемъ буква ѣ прозвучала какъ нѣжная струна

— Да! .. — томно отвѣчала фрейлинъ Медова: — и люблю играть на .. музыкѣ...

— Bravo! Bravo!..

— Хо! хо! хо! — закатывались краесвѣтные обитатели...

Пять разъ извивался занавѣсъ и пять разъ опускался. Время было далеко за полночь, а публика все хохотала, не переставая.

— Ой животики мои! — покатывалась какая-то весьма полная дама, загрохотываясь на стинку скамейки, которая жалобно поскрипывала.

А въ небывалой комватѣ ходили, сидѣли, стояли, бѣгали, двигали губами, говорили. Но публика ничего не видѣла уже и не слышала. Закрывъ въ припадкѣ неудержимаго веселья глаза, она хохотала, хватаясь по временамъ за бока. То и дѣло раздавались причитанія:

— Ой, животики!

— Умереть можно!

Но въ предпоследнемъ актѣ. Былъ и такой моментъ, когда зрители, доведенные отчаяннымъ хохотомъ до сильнаго колотья въ бокахъ, вдругъ въ испугъ замерли и перестали смѣяться. Боязливо ощущивая себя со всѣхъ сторонъ, точно сомнѣваясь въ своемъ существованіи и въ своей цѣлости.

Но въ сожалѣнію это молчаніе продолжалось всего одно мгновеніе, ибо со сцены вновь посыпались крылатые словечки доктора, фрейлинъ и фрау:

— Одѣется!

— Почему?

— Сидилогически!

И гомерическій хохоть опять потрясалъ своды клуба «Промышленниковъ», уже не прекращаясь до конца спектакля.

Никогда въ своей жизни не смѣялись такъ краснорѣчивые обыватели, какъ они смѣялись на драмѣ Гаутмана, вбушая крупинку того изыскаго и красиваго чѣмъ такъ богата жизнь нашихъ западно-европейскихъ согражданъ.

Ну, разувалили! — говорили красные и потные зрители, выходя изъ клуба на морозный воздухъ улицы. — Вѣкъ не забудемъ!..

Недаромъ на афишахъ было сказано, что эта драма посвящается тѣмъ, кто ее пережилъ! — наставительно подхватывали наиболее серьезные изъ нихъ.

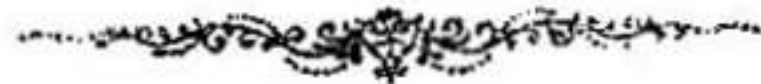
— Вотъ это удовольствіе!... Я понимаю!... — востроженно кричала рыжая борода: — пятишны не пожалѣю,

лишь бы еще посмотреть чтонибудь, вроде «Одиноких»,—добавила она, усаживаясь въ сани.

На другой день послѣ спектакля, въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, которая носила название «Краесвѣтная Смерть», появилась длинная рецензія объ исполненіи драмы Гауптмана въ городѣ Краесвѣтномъ.

Въ ней, между прочимъ, было сказано:

... Геніально написанная драма и художественное исполненіе ея артистами—любителями въ мѣстной интеллигенціи—сдѣлали свое дѣло: зрители были потрясены и многіе со спектакля ушли со слезами на глазахъ»...

Р. С. Описаніе всего происходившаго на памятномъ для всѣхъ спектаклѣ было уже закончено и сдано въ печать, когда по городу распространились настойчивые слухи и готовящейся къ постановкѣ пьесы «Монна—Ванна» Метерлинка. Въ заглавной роли героини храбро выступаетъ юноша Гонимовъ.

